

Макасеева Ася Александровна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

***Аннотация:** в статье рассматриваются особенности реализации уголовно-правовых механизмов в целях защиты интересов семьи. Автор акцентирует внимание на современных проблемах в данной сфере, требующих совершенствования действующего российского уголовного законодательства, а также определяет основные направления деятельности, которые позволят сделать имеющиеся уголовно-правовые механизмы охраны интересов семьи более эффективными.*

***Ключевые слова:** интересы семьи, преступление, уголовно-правовые механизмы, уголовный закон.*

Нормы семейного законодательства не формулируют определения семьи, а в нормативных правовых актах, касающихся различных отраслей российского права, понятие, признаки и принципы, на которых базируется семья, находят свои особенности, преломляющиеся через призму специфики регулируемых той или иной отраслью общественных отношений. В результате мы сталкиваемся с ситуацией, когда единое универсальное понятие семьи закрепить на законодательном уровне не представляется возможным, что с точки зрения систематизации и применения российского законодательства сложно назвать преимуществом. Мы разделяем высказанную Е.М. Ворожейкиным точку зрения о том, что «не может быть нескольких определений понятий семьи в праве для разных отраслей... оно должно быть единым» [1, с. 19].

Если же обратиться к генезису и эволюции российского уголовного законодательства, можно обнаружить, что его структурирование в дореволюционный и послереволюционный периоды существенным образом отличалось, что отразилось и на уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за преступления, посягающие на интересы семьи. Сложно в данном контексте не согласиться с А.И. Чучаевым, который констатирует следующее: «в дореволюционном российском законодательстве сформировалась система уголовно-правовых норм, охранявшая основные интересы семьи. Она, к сожалению, не была воспринята советским законодателем» [2, с. 247].

Так, УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. уже не предусматривают главу, аккумулирующую преступления против интересов семьи, а противоправные деяния, посягающие в том или ином виде на вышеуказанные интересы, нашли свое отражение в разных главах: например, преступления против порядка управления охватывали в том числе сообщение органам ЗАГС ложных сведений, а похищение женщины с целью вступления в брак помимо ее воли относилось к преступлениям, составляющим пережитки родового строя. В УК 1960 г. данная ситуация кардинально не изменилась, пополнился перечень общественно опасных деяний против интересов семьи, однако все они содержались так же в разных главах кодекса. Аналогичным образом (различными главами) происходит регулирование данных правоотношений и действующим УК РФ.

Из подобного структурирования норм уголовного законодательства следует, что для каждого преступления, которое в той или иной степени посягает на интересы семьи, объект преступления – разный, в то время как сами интересы семьи можно было бы рассматривать в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

В УК РФ имеет место глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», однако несмотря на такое название, в большей степени охраняет она именно интересы несовершеннолетних (ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»; ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в

совершение антиобщественных действий»; ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции»; ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»; ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»), и лишь четыре оставшихся состава касаются не только несовершеннолетних, а именно семьи: ст. 153 «Подмена ребенка», ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)», ст. 155 «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

В научной литературе также обосновывается точка зрения, согласно которой институт семьи можно рассматривать в широком и узком понимании, и что именно второй подход (предполагающий отношения именно родителей и детей, опекунов (попечителей) и несовершеннолетних) нашел свое отражение в главе 20 УК РФ. Так, П.А. Филиппов указывает на то обстоятельство, что содержащиеся в данной главе нормы не охраняют факт совместного проживания и ведения совместного хозяйства [3, с. 11], который большинство исследователей рассматривают в качестве неотъемлемого признака семьи.

С точки зрения анализа признаков состава преступления можно прийти к выводу о том, что преимущественно глава 20 УК РФ охраняет именно интересы несовершеннолетних в качестве основного объекта, а интересы семьи можно рассматривать лишь как объект дополнительный.

Возвращаясь от специфики структурирования уголовного закона к особенностям и эффективности уголовно-правовых механизмов охраны интересов семьи, считаем важным остановиться на проблеме семейного насилия.

Напомним, что в 2016 году за впервые совершенные побои уголовная ответственность сменилась административной (но признак совершения побоев в отношении близких родственников сохранялся и по-прежнему характеризовал объективную сторону преступления), после в 2017 году данная норма (ст. 116 УК

РФ) в очередной раз подверглась изменениям, согласно которым побои в том числе членов семьи тоже перешли в категорию административных правонарушений, а уголовная ответственность стала возможна лишь в случае административной преюдиции (ст. 116.1 УК РФ), когда лицо ранее подвергалось административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Серьезным образом усложняет ситуацию то обстоятельство, что жертвы преступлений, связанных с домашним насилием, зачастую не сообщают о таких фактах по разного рода причинам: безысходность (30%) и отсутствие веры в то, что им действительно помогут (23%); нежелание «выносить сор из избы» (23%); страх мести со стороны преступника (21%), стыд (12%), а также вера в то, что виновный самостоятельно скорректирует свое поведение (10%) [4, с. 31]. Имеют место также и причины, связанные с недостаточным уровнем правосознания. Так, в частности, представляют интерес результаты социологического исследования, согласно которому 60% мужчин и ровно 50% опрошенных женщин посчитали, что изнасилование в браке в принципе невозможно [5, с. 4]. По данным проведенного аналитическим центром ВЦИОМ в сентябре 2025 года опроса россиян «каждый десятый россиянин сообщил, что в их семье бывают ситуации, когда конфликты выходят за рамки слов и доходят до применения силы. Около трети отметили также, что им известно о подобных ситуациях в своем окружении» [6].

Учитывая высокий уровень латентности подобных проявлений насилия, необходимость применения комплексного подхода в целях предупреждения семейно-бытового насилия, невозможно не отметить, что отсутствие специального федерального закона, направленного на его профилактику, является существенным пробелом. А ведь именно данный нормативный правовой акт должен стать центральным для того, чтобы имеющиеся в России уголовно-правовые механизмы имели существенный превентивный эффект, а не выступали единственным возможным средством для привлечения виновных к ответственности, когда преступное посягательство уже состоялось (даже несмотря на имеющиеся в настоящее время несовершенства уголовного закона).

В качестве основных направлений совершенствования системы профилактики, можно также назвать меры, реализуемые в зарубежных странах [7, с. 97]: усиление ответственности за убийство близкого родственника (Литовская Республика), за убийство родственника по прямой восходящей линии (Япония), двукратное увеличение наказания, если преступление было совершено в отношении члена семьи (Израиль), бесплатное оснащение жилых помещений семей, в которых уже имело место насилие, специальными кнопками, передающими сигнал в случае угрозы насилия (Канада), отнесение преступлений, связанных с семейным насилием, к категории дел публичного обвинения (Швеция) и т. д. Однако имплементация зарубежного опыта возможна лишь в случае функционирования комплексной, основанной на специальном федеральном законе системы профилактики, которая подкрепляется нормами уголовного закона.

Список литературы

1. Ворожейкин Е.М. Правовые основы брака и семьи / Е.М. Ворожейкин. – М.: Юридическая литература, 1969.
2. Чучаев А.И. Преступления против семьи: правовая природа и проблемы характеристики // Труды Института государства и права РАН / А.И. Чучаев. – 2025. – №2. – С. 240–272.
3. Филиппов П.А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие / П.А. Филиппов. – М.: Проспект, 2019. – 296 с. DOI 10.31085/9785392297337-2019-296. EDN ZRMHAP
4. Ильяшенко А.Н. Основные характеристики насильственных преступлений, совершаемых в семье / А.Н. Ильяшенко // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – №1. – С. 30–35. EDN CMXXLK
5. Горшкова И.Д. Насилие над женами в российских семьях / И.Д. Горшкова, И.И. Шурыгина. – М., 2003. – 83 с.
6. Семейные тайны: мониторинг // ВЦИОМ: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring> (дата обращения: 25.11.2025).

7. Залина Х.К. Семейное насилие и преступления против несовершеннолетних: вызовы и перспективы реформирования уголовного законодательства // Право: история и современность / Х.К. Залина. – 2025. – №1. – С. 91–102.